МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ
г. МОСКВА
6 ЯНВ 1978

КиноКурьер МК

ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ

ЧИСТЯКОВ учил рисовать многих известных художников. Он мял белый лист бумаги, бросал его и ждал, когда ученики выполнят задание. Серов был очень обижен, когда его, уже виденного и признанного Репиным, заставили делать эти экзерсисы. Уроки редко кто любит, особенно, если они необходимы.

А необходимы они, когда хочешь стать мастером.

Про Чистякова, уроки и рисование, вспомнила, увидев в доме множество пестрых палочек карандашей и фломастеров. Знала, что она вроде бы не рисует. Разговор об этом никогда не заходил. Но выяснилось, что рисует, вернее, рисовала. Портреты получались непохожие. Обычно они не нравились тем, кого рисовали, но остальных удивляли точностью подмеченного характера.

Тоски зубрежки не знала. Все, что необходимо было «сдать», как выяснялось, было уже читано прежде. Училась легко. Наизусть. Без забот и волнений для себя, хотя о ней вспоминали как о тихой и рассеянной. Мечтательной. В вузе играла роли странных барышень. Вуз назывался театральное училище имени Щукина.

НАЧАТЬ бы, конечно, следовало не отсюда, а хотя бы с того момента, как она впервые пришла как актриса в театр имени Вахтангова. Сразу же после дипломных просмотров вахтанговцы забрали ее к себе, ее и однокурсника Володю Вихрова. На просмотре показывала она отрывок из «Преступления и наказания». Была Дуней Раскольниковой, сестрой Родиона Романовича.

Целый год театр присматривался к ней. Ждал, когда обвыкнется, перестанет плутать в театральных лабиринтах и обретет сама в себя веру. А пока все это происходило, время шло и на сцену она выходила, говоря языком кино, — в «массовке».

Наверное, в этот день имя — Светлана Переладова было вписано в программку от руки. Шел спектакль «Лето в Ноане». Это вахтанговский спектакль о Шопене, о любви к Жорж Санд, о его последних днях. История, которая тогда случилась, очень частая, театральная, и от этого банальная. Как голливудские сказки о Золушке. Но так было, а от факта — куда денешься. Актриса, игравшая Соланж (дочку Жорж Санд), не смогла участвовать в спектакле, и за день (!) пришлось срочно искать актрису. Вводить в спектакль. Это театральный термин, и означает процесс довольно хлопотный и сложный — актеры уже играют пьесу, как сказал бы В. Б. Шкловский, — «разносили ее по себе», — и вот теперь надо входить в чужой дом и становиться там равноправной хозяйкой, и всех — на сцене и за сценой убедить в этом. И себя. Как и следовало ожидать, все обошлось благополучно, даже удачно. Света стала Соланж. С тех пор ей очень нравится вот так, без тягучих репетиций выходить на сцену. Потом был ввод на роль Анны (до этого ее играла Ю. Борисова) в пьесе Л. Зорина «Коронация», потом Настя в «Ожидании», Марианна в «Золушке». (Любопытно, что в самой «Золушке», которую сейчас снимает ТВ, она все-таки стала одной из сестер, а не легендарной замарашкой. Из чувства сопротивления или хорошего режиссерского видения Джимбиновой, решившей, что ни к чему масло масляное).

Но ведь начало не здесь.

ПО ПРАВИЛАМ — прежде всего следовало бы рассказать об удаче. Какой и где? Ну, например, ее Наташа в «Рудине». Не так, чтобы удача. Роль эту ее, как ни грустно, запомнят в основном кинематографисты; еще и потому, что после этого фильма Переладова отказалась от астрономического количества (по студийным понятиям) сценариев. Отказалась она и от съемок в фильме Вадима Абдрашитова «Слово для защиты», об этом она жалеет до сих пор. Случилось это не по ее воле — неожиданно заболела мама, и она уехала к ней.

Уехала далеко, за тысячу верст, где есть город детства. Где родилась, выросла, ходила в школу. В Новосибирск. Но прежде чем ходила в школу, ходила в детский сад. Вернее, не ходила, потому что объяснила маме и папе (судя по всему, довольно понятно и аргументированно), что ей будет лучше дома, вместе со старшим братом Вадимом, тогда уже школьником. Свободы и фантазии было выше макушки, все оказалось возможным и незапретным — включая полеты с крыши сарая. Можно было куда угодно ходить, кататься на коньках, лыжах. Плавать. Через реку. С одного берега на другой. Труппа театра в прошлогодней гастрольной поездке в Омск решала, как запретить Переладовой плавать на другой берег Иртыша. Одно название реки приводило всех в священный трепет, и взрослые на этот раз настояли на своем. Плавание было отменено приказом.

ВСЯКИЙ раз, собираясь писать биографию, характер человека, по бусинкам набираешь необыкновенные, разноликие истории, словно и случились они не с одним человеком. Уж очень пестры. И словно и не в них суть. Всегда кажется, что суть в каком-то одном поступке или дне, когда человек просыпается знаменитым. Звездой. И этой своей удачей перечеркивает или скорее «заштриховывает» тусклый рассвет. И в ее жизни есть такой день, ошеломительный своей ясностью, предначертанностью, что ли.

Так сложилось, что в Новосибирское театральное училище она пришла чуть ли не в ноябре, когда занятия уже давно начались. Неожиданнее всего то, что ее взяли! Правда, условно: сдадите первую сессию хорошо, тогда зачислим. (Забегая вперед, скажу: зачислили). Наступил час проверки — надо было показывать свой этюд. У нее он был без слов... В наше время, когда пьесы представляют собой образчик ораторского искусства, — найти немой этюд — поразительно! Поразительно! Поразительно при всегдашнем нашем желании «заявить себя» и при ее удивительном по красоте голосе. Голосе, за который она потом и была взята в кино. Это довольно забавная история. Искали девочку на главную роль в фильме «Рыжий самолет». Звали ее Ия, по-армянски это еще значит возглас удивления и радости. Посмотрели все выпускные спектакли театральных вузов. В Щукинское опоздали и приехали на другой день, когда выпускникам вручали дипломы. Они были необыкновенно нарядны, оживлены, счастливы. Болтали без умолку. В общем хоре раздался ее голос.

На роль Ии она была утверждена даже без фотопроб.

...Рассказывала историю недавнюю, но, судя по всему, памятную. Сидела со своей однокурсницей, подругой (и не хочу сглазить!), удачливой актрисой, до ночи грызли вафли, пили чай и говорили за полночь о Чехове, Олби... Должна ли быть затверженность поведения в будничных днях, нужно ли всегда быть актрисой — вне рампы и пятачка павильона, или дома можно быть собой, со своими книгами, с бездной закладок и карандашных пометок, пластинками, походами в гости. Вот такой, почти детский спор вели они. Думали, что спорят о профессии, а говорили о ее атрибутах. Спорили безысходно, перебирая имена, пока, наконец, не вспомнили вдруг совсем давних актеров, ими не виденных — Кина, Дузе. И разговор сошел сам по себе на другое — как жаль, что так легко было учиться. Вот сейчас бы снова поступить в училище и выучиться всему тому, что, как казалось им, непонято, неусвоено. Вернуться сейчас в класс, в аудиторию и, как тогда Серов, рисовать, казалось бы, пустяки...

ТОНЕНЬКАЯ, как звук свирели, легкая, необыкновенно пластичная — дома она похожа скорее на школьницу, чем на актрису академического театра. На сцене она сгусток энергии, страстей, загнанных внутрь, с рисунком роли ярким, изящным и точным. Сейчас она пробуется на роль человека умного, грустного и усталого. Но понявшего, как одолеть это бремя. Очень ей хочется сыграть эту роль. Показать все это она умеет на сегодняшний день как актриса. И таким образом рассказать о человеке, который ей стал близок, понятен и дорог.

Л. ИГУМНОВА.

Фото В. ПОЛУКЕЕВА.